

# Эволюция цивилизаций и роль норм в системе международных отношений\*

**Казанцев Андрей Анатольевич**

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России  
Директор аналитического центра ИМИ  
Доктор политических наук  
andrka@mail.ru

## РЕФЕРАТ

В работе прогнозируются общие характеристики развития локальных цивилизаций в регионах мира, сопредельных России (Европа, исламский мир, АТР). Данная проблема анализируется в контексте вопроса о распространении норм в рамках системы международных отношений — процесса, играющего ключевую роль с точки зрения обеспечения устойчивости данной системы. В работе делается вывод, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI веке будет ослабляться целым рядом факторов. Во-первых, анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации. Во-вторых, изучение развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличие в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. В-третьих, анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР, показывает, что экономический подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

локальная человеческая цивилизация, устойчивость системы международных отношений, распространение и унификация норм, Западный мир, исламский мир, АТР

Kazantsev A. A.

## The Evolution of Local Human Civilizations and the Problem of the Proliferation of Standards in International Relations

**Kazantsev Andrey Anatolyevich**

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)  
Director of Analytical Center of Institute of International Studies  
Doctor of Political Sciences  
andrka@mail.ru

## ABSTRACT

The article contains prognosis of development of local civilizations in the regions of world neighboring to Russia (Europe, Islamic world, Asia-Pacific region). This issue is analyzed from the point of view of proliferation of norms within the system of international relations, which is the process playing a key role from the point of view of guaranteeing robustness of this system. The main conclusion of the paper is that the speed of norm proliferation within the system of international relations in the XXI century will be checked by a set of factors. First, the dynamic of development of Europe and USA indicates a clear tendency towards decrease of unifying potential that has appeared originally as a result of influence of the Western world towards other local human civilizations. Second, the study of development of Islamic civilization indicates that there is a significant potential of rejection of unification of norms within the system of international relations. Third, analysis of the group of local human civilizations existing in the Asia-Pacific region demonstrates that eco-

\* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-37-14016 «Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии».

conomic development of this region is accompanied by formation of ideas about cultural norms alternative to Europe-centric world.

#### KEYWORDS

local human civilization, robustness of the system of international relations, proliferation and unification of norms, Western world, Islamic world, Asia-Pacific region

Распространение норм<sup>1</sup> в рамках системы международных отношений — процесс, играющий ключевую роль с точки зрения обеспечения управляемости и устойчивости (robustness) данной системы. Это — один из ключевых вызовов с точки зрения глобального управления (global governance). Устойчивость, в свою очередь, является важнейшей практической проблемой с точки зрения обеспечения безопасности государств современного мира, прежде всего, России [8]. Цивилизационное своеобразие, — в частности, наличие локальных цивилизаций, — является одной из важнейших компонент, которая обеспечивает определенное «торможение» процессу унификации норм в рамках системы международных отношений. При этом проблема унификации и проблема устойчивости имеют между собой сложную диалектическую связь. Слишком большая унификация может снизить устойчивость системы к шоку, который может поразить одновременно все ее элементы. Слишком малая степень унификации снижает степень экономической взаимозависимости, повышает сложности во взаимопонимании и резко увеличивает вероятность конфликтов в рамках системы. Анализ цивилизационной проблематики отвечает целому ряду актуальных тенденций развития политической науки [6], изучения современных международных отношений [5] и комплексного изучения проблемы распространения норм и инноваций [4].

В рамках данной статьи будет дан анализ развития трех ключевых цивилизационных зон, расположенных по периферии российских границ: страны Запада, страны исламского мира и страны региона АТР. Данный обзор позволит нам сделать предварительный прогноз степени унификации<sup>2</sup> системы международных отношений на периферии российских границ и поможет оценить перспективы распространения норм в системе международных отношений на длительную перспективу.

### **Западный мир в XXI веке: перспективы цивилизационного развития**

В целом сейчас за тем, что называется Западный мир, стоит одна, достаточно определенная модель развития. Она предполагает идеологию и систему ценностей, сочетающую принципы: *а) приоритета прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентной политической системы со свобод-*

<sup>1</sup> Поскольку статья носит общетеоретический характер, то понятие нормы используется в рамках социологической, а не юридической науки, т. е. в понятие норм включены как формально-юридические нормы (более узкий юридический подход), так и неформальные нормы (более широкий социологический подход), включающие, наряду с формальными, поведенческие культурно-цивилизационные особенности.

<sup>2</sup> Понятие «унификации норм» используется в данной статье в контексте дискуссий между введенной Ф. Фукуямой моделью анализа международных отношений (мир стремится к гомогенности норм, к однородным нормам, основанным на опыте развития западного мира) и моделью С. Хантингтона (мир характеризуется различием цивилизационных норм). При этом автор данной статьи далек от того, чтобы обосновывать одну из этих моделей, он лишь рассматривает некоторые практически значимые с точки зрения российской внешней политики тенденции цивилизационного развития стран, расположенных по соседству с РФ.

ными выборами как единственной легитимной формы политического правления («демократия»); в) распределения ресурсов на свободном рынке как единственной эффективной формы хозяйствования («рыночная экономика»); г) приоритета указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета»). Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций» [16]. На практике Западный мир также связан с военно-политическим лидерством США.

Существенно то, что эти принципы и многие попытки их реализовать в мировом масштабе не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как неограниченное господство большинства над меньшинством, может противоречить идее прав человека. В не меньшей степени предполагаемое демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность международного вмешательства же в реальности может часто реализовываться через практику «двойных стандартов» в соответствии с настроениями, доминирующими в элитных и массовых кругах в США.

В дополнение к описанным выше, специфические социально-политические противоречия многих азиатских и африканских стран трудно адаптируются под эти принципы. Например, индивидуализм противоречит высокой роли кланово-групповой лояльности. Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже, и т. п.

Существует и еще одно противоречие западного варианта создания структуры глобального порядка. Параллельно с глобализацией во всем мире повышается ценность локальных культур, все более распространенной становится практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это проявляется в распространенном на Западе *постмодернизме*.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей феномены традиционализации [12]. «Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении» [10]. Протесты против западноцентричной глобализации в разных формах проявляются в различных культурных средах. На Западе речь идет о разгроме «Макдоналдсов» антиглобалистами [14]. В исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей [5].

Западный мир — это прежде всего коалиция очень эффективно действующих государств Европы и ее переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т. д.). Эти страны тесно интегрированы целым рядом чрезвычайно эффективных региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т. д. Деятельность многих ключевых международных организаций («Группа восьми индустриально развитых государств», МВФ) тесно связана с интересами этой коалиции. Вступление в эту коалицию приносит много разнообразных преимуществ. Поэтому к ней тесно примыкают и многие другие развитые (Япония) и развивающиеся страны, имевшие исходно другой культурно-цивилизационный базис.

Тем не менее многие достаточно сильные государства (особенно, Россия, Китай, Иран) не входят в эту коалицию, лишь эпизодически с ней сотрудничая или консультируясь. При этом они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с политической глобализацией.

Ключевым фактором, который будет определять эволюцию западного мира в долгосрочной перспективе, является его демографический и экономический упадок. Первый будет проявляться относительно, прежде всего, быстро растущего населения стран Африки и ряда стран Азии. Второй будет связан с относительным уменьшением доли экономики ЕС и США в мире относительно, прежде всего Китая, Индии и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Впрочем, все это отнюдь не означает *абсолютного* упадка западного мира. Пока нет объективных данных, которые бы позволили его прогнозировать. Уровень жизни на Западе будет оставаться высоким, но США и ключевые государства ЕС, уступая многим азиатским и африканским странам по населению, а также уступая новым экономическим гигантам (прежде всего, Китаю) по размеру ВВП, не смогут объективно решать все основные мировые вопросы.

Дополнительно к этому Запад все больше будет сталкиваться с вызовом, связанным с инкорпорацией мигрантов в принимающее общество. По мере роста демографического разрыва между Западом, с одной стороны, азиатскими и африканскими странами, с другой, миграция будет только усиливаться. При этом кризис модели «мультикультурализма» на Западе делает все более сложным интеграцию этих мигрантов. Эта культурно-цивилизационная проблема уже имеет важное военно-политическое измерение: например, в виде готовности большого количества мусульман-мигрантов отправляться на войну с Западом в Сирию, Ирак или Афганистан, а также в виде проблемы роста террористической деятельности в самих западных странах. В дальнейшем эта культурно-цивилизационная проблема будет только усиливаться. Путей ее решения пока не найдено, и трудно прогнозировать, что они будут обнаружены.

*В целом проведенный выше предварительный анализ развития западной локальной человеческой цивилизации показывает очевидное снижение ее унифицирующего потенциала, т.е. происходит снижение ее влияния на другие цивилизации. Следовательно, уже это указывает на один из факторов, обеспечивающих достаточно ограниченный тип унификации норм в процессе глобализации в XXI веке.*

## **Исламский мир в XXI веке: перспективы цивилизационного развития**

Ислам — чрезвычайно многоликая религия, включающая в себя огромное количество разнообразных измерений и обогатившая человечество многими великими духовными свершениями. Исламская цивилизация чрезвычайно многолика. Однако можно вычленить некие общие социально-политические и психологически-политические последствия, которые вызывает принадлежность того или иного общества к миру ислама, наличие у него исламской идентичности. Столкновение с проявлениями этой идентичности может, зачастую, вызвать у немусульманских государств-партнеров исламских стран специфические однотипные проблемы с точки зрения выработки внешней политики [15].

Известный востоковед-компаративист Л. С. Васильев отмечал следующее: «...мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных» [2]. В результате для всех современных исламских государств характерны элементы этатизма, патернализма, непомерно раздутого государственного сектора, нераздельности политико-администра-

тивной власти и контроля над собственностью, низкой степени экономической свободы. Эти «антирыночные» тенденции еще более усилены специфическим для исламского мира эгалитаризмом, представлением об исходном равенстве возможностей всех людей и антиэлитизмом. В результате массовые движения в исламских государствах, как правило, антилиберальны.

В не меньшей степени для исламских обществ характерны «чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, что всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение» [2]. Это часто приводит к очень высокой степени консерватизма, к неприятию инноваций, подозрению ко всякой самостоятельной творческой деятельности. Эта традиционная структура задает очень сложную ситуацию в плане современных инноваций [11]. Очень большую роль в росте консервативных настроений сыграло закрытие «врат итджихада» (т. е. запрет самостоятельной рациональной интерпретации принципов и норм ислама) в X в. Запрет сохраняется и до настоящего времени.

В сочетании с могуществом патерналистского государства и эгалитаризмом консерватизм исламского мира приводит к очень серьезным сложностям с развитием не только постиндустриальной, но даже индустриальной экономики. Достаточно сложно опровергнуть тот факт, что экономики всех мусульманских обществ носят преимущественно аграрный или сырьевой характер. Из более современных сфер экономики в исламском мире хорошо развиваются только торговля и сфера услуг. Единственным исключением из этого правила являются Малайзия и, до определенной степени, Турция. Однако Малайзия цивилизационно относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону, а ключевую роль в ее экономическом развитии играет китайское меньшинство. Турция же, со времен Ататюрка, проводила последовательную деисламизацию всех сфер жизни.

Исторический опыт подтверждает, что страны исламского мира встречаются с большими трудностями в адаптации к модели либеральной демократии. Более или менее стабильные демократические режимы были характерны только для двух стран: Турции и Ливана. Тем не менее, для Турции характерны периодические военные перевороты, а ее армия в соответствии с заветами Ататюрка считала себя гарантом светского пути развития государства. Демократия в Ливане была связана с преобладающей ролью христиан-маронитов и дестабилизировалась по мере исламизации страны (хотя, разумеется, нельзя «списывать со счетов» и фактор негативного влияния арабо-израильского конфликта на ситуацию в Ливане).

Важной характеристикой традиционного ислама является его воинственность и склонность к конфликтам с внешним миром. Разумеется, этот мобилизационный потенциал религии реализуется в реальности не столь уж и часто.

Нельзя в соответствии с широко распространенными на Западе заблуждениями в духе «столкновения цивилизаций» считать большинство мусульман мира экстремистами и джихадистами. Традиционные для мира ислама представления о глобальном единстве общины верующих — уммы — достаточно редко принимают характер борьбы за «всемирный халифат». Куда более широкое распространение среди теологов и исламистской интеллигенции получил исламский национализм. Его сторонники выступают за приоритет идей ислама, но в рамках национальных государств. Еще большее количество сторонников в мире ислама имеет модернистская трактовка, которая позволяет тем или иным образом согласовывать нормы ислама с требованиями современности. И даже среди сторонников «всемирного халифата» достаточно много приверженцев мирных, просветительских путей

борьбы. В этом случае речь идет, скорее, об интеграционном движении внутри исламского общества.

Однако практически среди всех направлений современного ислама идет поиск альтернативных Западу форм внутривнутриполитической жизни и внешнеполитической ориентации. Это характерно даже для большей части исламских модернистов, которым часто свойственна идеология «третьего пути», популизм, социальный консерватизм, этатизм, неприятие либеральной демократии и свободного рынка.

«...Исламское движение — умеренно-либеральное или радикальное — ориентировано на поиск „исламского решения“ современных, в том числе политических проблем. Однако предостережение о том, что такое „исламское решение“, у представителей различных политических и социальных сил, идеологов и лидеров разное, каждый по-своему толкует исламские истины. Но общим остается стремление использовать в политике концепцию планетарного единства мусульманской общины, основанную на тезисе, что ислам есть интегрированная социально-политическая, социально-экономическая и социально-культурная система, выступающая против экспансии индустриально развитого евро-американского мира. Сегодня это имеет форму движения исламской солидарности» [9].

«Альтернативность» ислама в существенной степени реализуется в международно-политической жизни. «Во всем этом просматривается относительная альтернативность всей системы международных организаций исламского мира и норм, которыми они руководствуются, — по отношению к так называемой западной, т. е. предполагаемо неограниченной для исламских государств системе международного права и международных отношений» [3]. Более того, исламские организации имеют четкую тенденцию дублировать «западные» глобальные международные организации. ОИК — аналог ООН; Исламская комиссия Международного Красного Полумесяца — аналог Международного Красного Креста; Исламский банк развития — аналог Международного банка реконструкции и развития; Исламская организация по образованию, науке и культуре — аналог ЮНЕСКО; Исламская федерация спортивной солидарности — аналог Всемирного олимпийского комитета. Ключевые международные документы также имеют альтернативные исламские аналоги: Всеобщая декларация прав человека — Исламская декларация прав человека; комплекс международных документов по борьбе с терроризмом — исламский договор о борьбе против международного терроризма ОИК и т. д. [3].

В целом, исламский мир, несмотря на разделяющие его противоречия, так же, как и Запад, представляет собой целую коалицию государств на цивилизационной основе. Ее интегрирует общий цивилизационный фундамент, наличие большого количества международных государственных и неправительственных организаций, распространенное среди масс мусульман ощущение общности и исламской солидарности. Материальным показателем жизнеспособности такой международной коалиции выступает большая финансово-экономическая помощь, которую богатые (прежде всего, нефтедобывающие) исламские страны оказывают более бедным. Специфический характер этой помощи заключается в том, что она тесно идеологически увязывается с различным рода «исламскими» целями: исламским просвещением, исламской солидарностью и т. д. Наконец, показателем реального существования «исламской коалиции» в мире является то, что она поддерживает «свой» вариант формирования структуры глобального порядка, основанный на исламе (при всей реальной вариативности понимания ислама).

В XXI веке все указанные выше характеристики мира ислама сохранятся. Он по-прежнему будет искать «исламскую альтернативу» «западноцентрической» глобализации. Продолжающийся демографический рост приведет даже к усилению относительной роли мира ислама в глобальном масштабе. Впрочем, увеличение населения без серьезного экономического роста — это еще и вызов развития



и даже стабильности. Одновременно с демографическим ростом будет действовать тенденция к экономической деградации, так как ни одно из государств исламского мира (за частичными исключениями расположенных в АТР Малайзии, в меньшей степени, Индонезии, и частично расположенной в Европе Турции) не сумело «вписаться» в постиндустриальный мир и даже создать индустриальную экономику. Возможное уменьшение роли углеводородной экономики в XXI веке может привести к резкому падению значения таких ключевых исламских стран, как Саудовская Аравия и Иран.

Еще вторая важная тенденция для мира ислама в XXI веке — продолжение роста религиозного экстремизма. Этот рост будет происходить по мере углубления экономического отставания исламских государств и увеличения в них перенаселенности. Религиозный экстремизм будет задавать динамику разного рода серьезных конфликтов, куда будут вовлечены не только исламские страны, но и государства других цивилизационных районов Земли [7].

Третья тенденция — сохранение высокой угрозы образования «несостоявшихся государств» в мире ислама. К этому ведут негативные социально-экономические факторы, перенаселенность, а также рост исламского экстремизма.

Четвертая тенденция — внутренняя раздробленность мира ислама и тяжелые внутренние конфликты между различными направлениями внутри исламской религии, проявляющиеся как в противостоянии государств (например, в настоящее время — Ирана и Саудовской Аравии), так и в экстремистско-террористической деятельности.

*В целом проведенный выше предварительный анализ развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов внутри мира ислама четко демонстрирует, что распространение норм даже внутри группы стран соответствующей цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами.*

## **Регион АТР и эволюция «азиатизма» в XXI веке: перспективы развития сложносоставной цивилизации АТР**

Азиатизм (или паназиатизм) — достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вплоть до Китая и Индии [9]. Единство этих народов возникло благодаря становлению гигантской торговой и культурно-цивилизационной зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, наконец, ислама, пришедшего через Индию) еще до прихода европейцев [1]. В рамках этой зоны происходил также и культурный синтез. Причем движение навстречу друг другу шло с обоих концов Азии. Еще в минскую эпоху (1368–1644 гг.), до европейских Великих географических открытий, китайские военно-торговые флоты огибали всю Азию, доходя до Африки. С другого конца Азии тот же морской путь проложили исламские торговцы из Индии и Юго-Восточной Азии, где уже осуществлялся синтез исламской и индуистско-буддистской культур.

Европейские колонизаторы, ставшие доминировать над этими морскими путями с XV–XVI вв., только присвоили себе уже существовавшую систему торговых и, в меньшей степени, культурных связей. При этом Китай сохранял роль наиболее экономически развитой части мира почти до опиумных войн (XIX в.), после которых эта роль окончательно перешла к Англии. Однако уже к концу XIX в. все страны этого гигантского региона, кроме Японии (частично также Китая и Таиланда), представляли собой колонии, полуколонии или зависимые страны.

Начало роста идеологии азиатского единства можно усмотреть в реакции на победу Японии над Россией в войне 1905–1907 гг. До этого среди народов этого обширного международного региона, под влиянием стереотипов европейцев, было распространено мнение о собственной отсталости и даже расовой неполноценности, необходимости полностью отказаться от традиционных ценностей. Тем не менее успешная военно-экономическая модернизация Японии, сумевшей даже победить великую мировую военную державу, показала, что азиатские народы (связанные с монголоидной расой) способны эффективно ответить на вызовы современности. Более того, оказалось, что при этом могут быть сохранены многие традиционные институты и ценности (как это имело место в Японии). Напротив, именно они могут оказаться базисом эффективности в соревновании с европейцами.

В период борьбы с колониализмом в межвоенный период и в период Второй мировой войны азиатизм, в том числе, и под влиянием японской пропаганды принял вид лозунга «Азия для азиатов». При этом вполне в духе многих научно-идеологических представлений, распространенных и в Европе того же времени, предполагалось, что за расовым «азиатским» единством прослеживается и единство «азиатских» ценностей и культур. Часто просматривалось и определенное сходство интересов как всех антиколониальных движений в АТР, так и японского экспансионизма, заинтересованного в вытеснении европейцев из Восточной Азии (собственно, японский конструктор, призванный подчеркнуть лидерство Японии в регионе). Так возникли элементы коалиционных взаимодействий между различными азиатскими народами, которые сохранились и воспроизвелись и в послевоенный период.

Япония, много сделавшая для рождения азиатизма, в период войны с Китаем и Второй мировой войны, совершила много преступлений, настроивших против нее другие азиатские народы. Тем не менее, именно чудесный экономический подъем Японии после Второй мировой войны привел к изменению характера азиатизма. Наряду с различного рода антиколониальными и антипостколониальными настроениями в него включились представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом.

Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея). К ним начали приближаться Малайзия и, в меньшей степени, Индонезия. Наконец, процесс бурного экономического роста охватил после реформ Дэн Сяопина и Китай, который вновь в 1990-е годы вернул себе статус «мастерской мира». В настоящее время уже произошел перенос центра «тяжести» мировой экономики с Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион, происходящий благодаря одновременному экономическому подъему АТР (прежде всего Китая) и Тихоокеанского побережья США. Более того, появились даже рассуждения о том, что США и Китай сейчас являются «одной экономикой с двумя разными политическими системами». Действительно, при всей глубине политических разногласий между США и КНР степень их экономической взаимозависимости очень высока (КНР является основным кредитором США, США — основным инвестор и источник технологий для КНР, оба государства являются также друг для друга ключевыми торговыми партнерами). Все эти тенденции в XXI веке будут смягчать военно-политическое противостояние КНР и США.

В области политической культуры народы АТР объединяет ярко выраженный прагматизм и стремление максимально использовать потенциал традиционных ценностей для социально-экономической модернизации. С точки зрения политических систем, эти страны представляют достаточно пеструю картину. Авторитарные, полуавторитарные или посткоммунистические режимы, в целом, преоб-



ладают. В регионе очень мало демократий. При этом одни из них очень молодые (Южная Корея, Тайвань), другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями (доминирование одной партии в Японии). Таким образом, возникла чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полуавторитарного типа. В этом плане модель, сложившаяся в АТР, представляет собой в XXI веке одну из реальных альтернатив западной модели развития, основанной на сочетании вестернизации, демократизации и экономической либерализации.

Международное сотрудничество в регионе также стало все больше строиться на основании принципа «азиатские дела должны вершить азиаты». Таким образом, страны региона взяли на себя ответственность за формирование собственной структуры регионального порядка, ревниво относясь к попыткам западных стран вмешаться в этот процесс. Эта тенденция продолжится и в XXI веке, хотя в президентство Обамы она столкнулась с контртенденцией — стремлением США сформировать систему военно-политических союзов по периферии КНР. Однако эта политика сталкивается и с сопротивлением Китая, и с неприятием многих представителей азиатских политических элит.

Это видно, например, по работе различных интеграционных структур в АТР. Базисом интеграции в регионе стали «азиатские ценности», противопоставляемые политическому давлению Запада. Зачастую это официально провозглашаемая государственная политика. Так, в Малайзии с начала 1980-х годов официально объявлена «ориентация на Азию». Сингапур, поддерживающий иммиграцию на свою территорию высококвалифицированных специалистов из других стран, специально поощрял въезд азиатов, а не европейцев, и т. д. При этом его руководство постоянно подчеркивало роль «азиатских ценностей» в функционировании политической системы государства.

На неформальном уровне азиатские страны также легче взаимодействуют, преимущественно, между собой. В целом между ними, несмотря на определенные разногласия (например, территориальные споры или претензии к Японии за зверства периода оккупации), складывается очень эффективная международная коалиция, в ряды которой стараются не пускать носителей «чужих» ценностей. Так, например, АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с соседними Австралией и Новой Зеландией. «Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 года три ведущих члена АСЕАН — Малайзия, Индонезия и Филиппины — отказались начать соответствующие переговоры. В первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира» [13].

По мере роста экономического влияния стран АТР, прежде всего Китая, их представления о наиболее оптимальной структуре регионального порядка, основанной на «азиатской» культуре, начинают переноситься и на глобальный уровень. Наиболее активно в этом плане действуют такие государства, как Малайзия и Китай. *Весьма вероятно, что эта тенденция продолжится на протяжении, по крайней мере, первой половины XXI века. В связи с этим анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций), показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру. Этот фактор в долгосрочной перспективе будет также снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений, а также будет определенным образом сдерживать тенденцию к унификации внутри нее.*

## Заключение

В целом проведенный выше предварительный анализ развития ряда локальных цивилизаций, расположенных по периферии границ России, показывает, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI веке будет ослабляться целым рядом факторов.

К их числу можно отнести следующие:

- 1) анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации;
- 2) анализ развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов внутри мира ислама четко демонстрирует, что распространение норм даже внутри группы стран соответствующей цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами;
- 3) анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций), показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

Описанные факторы в долгосрочной перспективе будут снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений. Это, в свою очередь, будет сказываться на управляемости. В частности, отсутствие необходимой степени унификации норм может вести к повышенной конфликтности и к снижению устойчивости системы международных отношений в соответствии с теорией, впервые выдвинутой С. Хантингтоном [12]. Однако если цивилизационные конфликты удастся удержать под определенным контролем, то это, напротив, приведет к большей устойчивости и управляемости глобальной системы. Причина заключается в том, что необходимое для устойчивости разнообразие может способствовать более эффективному глобальному управлению. Таким образом, наблюдаемые цивилизационные тенденции в плане распространения норм говорят о том, что очень многое зависит от качества работы институтов глобального управления. Одна и та же ситуация, в зависимости от качества их работы, может привести либо к большому числу цивилизационно обусловленных конфликтов, либо к эффективному взаимодействию на основе достаточного и взаимодополняющего разнообразия цивилизационных норм.

Для российской (и не только российской) внешней политики проблема отсутствия унифицированных норм и фактор наличия цивилизационно обусловленного многообразия норм означает: а) необходимость усиления аналитического сопровождения принятия внешнеполитических решений; б) необходимость развития востоковедческих и иных культурно-политических исследований; в) необходимость активного использования инструментов межкультурного и межкулицизационного диалога в рамках общественной дипломатии.

## Литература

1. Бродель Ф. *Время мира* : в 3 т. М. : Прогресс, 1992. Т. 3: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв
2. Васильев Л. С. *История Востока* : учеб. для вузов: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2001. Т. 2. С. 184.
3. Игнатенко А. А. Самоопределение исламского мира // *Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближ. и Сред. Востока, на Кавказе и в Центр. Азии)*: сб. ст. / отв. ред.: В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. М., 2001. С. 8–4.

4. Казанцев А. А. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве (опыт сравнительного анализа) // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 71–93.
5. Казанцев А. А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 74–81.
6. Казанцев А. А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии. Обзор круглого стола // Полис. Политические исследования. 2001. № 6. С. 51–63.
7. Казанцев А. А. «Ваххабизм»: Опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 96–109.
8. Кузнецов И. И. Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы // Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ. 2008. Вып. 5(34), май. С. 1–28.
9. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке: постколониальный период. М. : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999.
10. Нейсбит Д. Мегатренды. М. : АСТ: Ермак, 2003.
11. Сергеев В. М. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) / В. М. Сергеев, С. Н. Саруханян ; ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. М. : МГИМО-Университет, 2012. (Аналитические доклады. Вып. 5(35), октябрь 2012).
12. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2006.
13. Цыганов Ю. Австралия и Восточная Азия // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 71–
14. Barber B. R. Jihad vs. McWorld: how globalism and tribalism are reshaping the world. New York : Ballantine Books, 1996. P. 432.
15. Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region // Europe-Asia Studies. 2008. T. 60. № 6. P. 1073–1088.
16. Negroponte N. Being digital. New York : Knopf, 1995. P. 243.

## References

1. Braudel F. *World time* [Vremya mira]: in 3 volumes. M. : Progress, 1992. T. 3: Material civilization, economics and capitalism of XV–XVIII centuries [Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv.]. P. 679. (rus)
2. Vasiliev L. S. *History of the East* [Istoriya Vostoka]: textbook for high schools in 2 v. 2nd ed., rev. and add. M. : H.S.E., 2001. V. 2. P. 184. (rus)
3. Ignatenko A. A. *Self-determination of the Islamic world* [Samoopredelenie islamskogo mira] // Islam and Politics: (interaction of Islam and politics in the Middle East, the Caucasus and the Central Asia) [Islam i politika: (vzaimodeistvie islama i politiki v stranakh Blizh. i Sred. Vostoka, na Kavkaze i v Tsentr. Azii)]: a collection of articles / Executive Editor: V. J. Belokrenitsky, A. Z. Egorin. M., 2001. P. 8–9. (rus)
4. Kazantsev A. A. *Intellectuals and Structural Innovations in Political Expanse (experience of comparative analysis)* [Intelligentsiya i strukturnye innovatsii v politicheskom prostranstve (opyt sravnitel'nogo analiza)] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2007. № 1. P. 71–93. (rus)
5. Kazantsev A. A. *On Cognitive neo-institutional approach to the study of international relations* [O kognitivno-neoinstitutsional'nom podkhode k izucheniyu mezhdunarodnykh otnoshenii] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2003. № 1. P. 74–81. (rus)
6. Kazantsev A. A. *Political science: the problem of methodological reflection. Overview of the Round Table* [Politicheskaya nauka: problema metodologicheskoi refleksii. Obzor kruglogo stola] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2001. № 6. P. 51–63. (rus)
7. Kazantsev A. A. «Wahhabism» *Experience of the cognitive analysis of institutions in a situation of social and cultural crisis* [«Vakhhabizm»: Opyt kognitivnogo analiza institutov v situatsii sotsiokul'turnogo krizisa] // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2002. № 5. P. 96–109. (rus)
8. Kuznetsov I. I. *The problems of conflicts of «new generation»: estimates and predictions* [Problematika konfliktov «novogo pokoleniya»: otsenki i prognozy] / I. I. Kuznetsov, V. M. Sergeev // Policy Briefs of RCCIR of MGIMO (University) of the MFA of Russia [Analiticheskie zapiski NKSMI MGIMO (U) MID RF]. 2008. Is. 5(34), May. P. 1–28. (rus)
9. Levin Z. I. *Social thought in the East: the post-colonial period* [Obshchestvennaya mysl' na Vostoke: postkolonial'nyi period]. M. : Publishing Firm «Eastern. lit.» RAS [Izd. firma «Vost. lit.» RAN], 1999. P. 196. (rus)

10. Naisbitt D. *Megatrends* [Megatrendy]. M. : AST: Ermak, 2003. P. 380. (rus)
11. Sergeyev V.M. *Modernization and Revolution (Turkey, Iran and the Arab countries)* [Modernizatsiya i revolyutsiya (Turtsiya, Iran i arabskie strany)] / V.M. Sergeev, S.N. Sarukhanian; IIS of MGIMO (University) of the MFA of Russia, Center for global problems. M. : MGIMO-University, 2012. (Analytical Reports. Vol. 5(35), October 2012). (rus)
12. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations* [Stolknovenie tsivilizatsii]. M. : AST, 2006. (rus)
13. Tsyganov Yu. *Australia and East Asia* [Avstraliya i Vostochnaya Aziya] // Problems of the Far East [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2006. № 2. P. 71–81. (rus)
14. Barber B.R. *Jihad vs McWorld: how globalism and tribalism are reshaping the world*. New York : Ballantine Books, 1996. P. 432.
15. Kazantsev A. *Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region* // Europe-Asia Studies. 2008. V. 60. № 6. P. 1073–1088.
16. Negroponte N. *Being digital*. New York : Knopf, 1995. P. 243.